

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Протоиерей Леонид Грилихес

(МДА)

"НИКОГДА ЧЕЛОВЕК НЕ ГОВОРИЛ ТАК, КАК ЭТОТ ЧЕЛОВЕК: НРАВСТВЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ СПАСИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ РАННЕГО ИУДАИЗМА"

Проповедуя по еврейским городам и весям, обращаясь ко многими толпами, Господь говорит на языке понятном для этих толп, т.е. на языке окружающих его людей. Вместе с тем в Евангелии (в первую очередь, конечно в Евангелии от Иоанна) мы постоянно обнаруживаем, следующие утверждения: «слово, которое вы слышите не есть Мое, но пославшего Меня Отца» (Ин 14:24), «как научил Меня Отец Мой так и Я говорю» (Ин 8:28) «Мое учение не Мое, но Пославшего меня» (Ин 7:16), или: «Слова, которые говорю Я вам— дух и жизнь» (Ин 6:63). И действительно Господь провозглашает совершенно новые, удивительные вещи, которые далеко превосходят не только человеческие обычаи и привычки, но и человеческую мудрость. Его слова нередко вызывают возмущение и не укладываются в человеческой голове. Он обращается к иудеям «слово Мое не вмещается в вас», от Его слов происходит между ними распря (Ин 10:19) и многие из них говорили: Он безумствует. Но не только фарисеи, но и «многие из учеников Его, слыша то (т.е. капернаумскую проповедь) говорили: какие странные слова! Кто может это слушать!» (Ин 6:60), и как сообщает Иоанн: с этого времени многие из учеников Его отошли от Него, и уже не ходили с Ним (Ин 6:66). Его слова вызывают удивление толпы: Он учит «не как книжники и фарисеи» (Мф 7:29); «Никогда человек не говорил так, как этот Человек» (Ин 7:46). И даже из уст самых близких учеников, из уст двенадцати часто вырываются слова недоумения: вспомним, после притчи о верблюде, которому легче пройти сквозь угольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное, «ученики Его весьма изумились» и восклицают: «так кто же может спастись?» (Мф 19:27).

Итак, Господь проповедует на языке окружающих Его людей, но остается часто не понятным. Раскрывая причину этого непонимания он обращается к иудеям: «вы от нижних, а Я от вышних» (Ин 8:22).

Для евангельского слова, вдохновленного свыше, определяющим является призыв к предельному совершенству. К совершенству, которое превосходит любую меру и постановление, т.е. ведет за рамки закона. Если прощать, то не 3 раза, как учили фарисеи (Йома 86 Bar), и не 7, как полагает апостол Петр (чья мера, как мы видим, уже превосходит меру фарисеев), а до «семижды семидесяти раз», т. е. бесконечное количество раз (Мф 18:21–22). Жертвовать не одну пятую часть имущества (ср.: Лев 5:15–16) и не пол имения, как восклицает обретший Христа Закхей (Лк 19:8), а все продать и раздать нищим. Любить не только своих близких родственников и друзей. Любовь должна распространяться на всех людей, не исключая врагов («А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу

ИМЯ ДОКЛАДЧИКА: Тема доклада

Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5:44-45)) Любовь в проповеди Спасителя приобретает характер волевой установки: ближним может быть всякий, к кому ты приблизишься со своей заботой и любовью (см. притчу «о добром самарянине»). В Евангелии мы слышим призыв к предельному совершенству: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф 5:48), но это совершенство недоступно человеку в его падшем состоянии, оно требует духовного обновления через приобщение к Богу и укрепление силой божественного Духа - «для человека это невозможно, для Бога же все возможно» (Мф 19:26) - так отвечает Господь на недоумение Своих Учеников.

Это еще один очень важный аспект евангельского слова, евангельское учение – не отвлеченная сумма знаний, а путь обретения новой жизни в Царствии Небесном. Это Царство уже явлено в силе через богопознание в общении с Сыном. (Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего (Ин 14:7); видевший Меня видел Отца (Ин 14:9 и др.)) Любая притча, или поучение Спасителя содержат не только элемент богословского откровения, но также и руководства к действию. Иными словами они неотделимы от нравственных, аскетических и волевых решений и ставят человека перед проблемой выбора. Очень часто Господь завершает Свои поучения словами «имеющий уши слышать да слышит». Этот призыв указывает на то, что Спаситель не излагает учение в готовом, завершенном виде, Он побуждает своих слушателей к размышлению, поиску, самоопределению. Но путь к разумению божественного слова, слова пришедшего свыше от Отца пролегает через понимание тех общепринятых человеческих слов, образов, идиом, в которых оно воплотилось. Т.е. через понимание языка евангельской проповеди.

Что же из себя представляет этот язык?

Евангельская проповедь излагается не на языке фиксированных терминов, она не имеет строгой системы и точных определений, которые обнаруживаются в более позднем богословии. В целом язык евангельской богословия отличается тем, что он носит образный характер, поучения предлагаются в виде ярких сравнений, метафор, притч, которые нередко поражают своей парадоксальностью. (Напр., «кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее» (Лк 17:33), и др.). Многие образы заимствованы непосредственно из быта палестинских крестьян, рыбаков, ремесленников и т. п., что делает проповедь Спасителя более открытой и понятной для слушателей, к которым она направлена. Исходной базой языка евангельского богословия служат тексты Священного Писания Ветхого Завета. Хорошее знание этих текстов народом, к которому обращена проповедь, позволяет Спасителю не только цитировать эти тексты, но и, заимствуя определенные образы и выражения, выстраивать более сложные аллюзии и коннотации, причем не редко эти образы в поучениях Спасителя приобретают дополнительное развитие (см., напр., притчу «о злых виноградарях» (Мф 21:22–44) и Ис 5). Поэтому адекватное понимание евангельского богословия невозможно без учета и хорошего знания Ветхого Завета

Кроме этого, знакомство и изучение межзаветной литературы, которая имела широкое хождение и была очень популярна в свое время (что доказывается большим числом переводов на различные языки), а также ближневосточного фольклора, внебиблейской идиоматики, изречений различных авторитетных учителей и афоризмов, и т.д. показало, что Господь при создании образного строя Своих поучений и притч нередко обращался также и к этому живому многообразному языковому материалу.

Именно на этом я бы хотел остановиться более подробно.

Ряд примеров обнаруживает разительные совпадения между словами Евангелия и тем, что мы находим в раввинистических источниках.

Мф 6:34

*Довольно для каждого дня
своей заботы.*

Брахот 9б

*Довольно для каждого часа
его собственной заботы.*

Мф 7:5

*Лицемер! вынь прежде бревно из твоего
глаза,
и тогда увидишь, как вынуть сучек из
глаза брата твоего.*

Бава Батра 15б

*Говорит ему: вынь застрявшую у тебя
в зубах щепочку. А он ему на это: вынь
сначала бревно, которое торчит у
тебя из глаза.*

Мф 2:27

*Суббота для человека, а не человек для
субботы*

Йома 85б

Суббота отдана вам, а не вы суббототе.

Мф 9:17

Не вливают молодое вино в мехи ветхие

Авот 4, 20

*Бывает, что новый сосуд полон
старого (вина), но бывает, что в
старом даже и молодого не найдется.*

Для сторонников исторического развития христианства подобного рода примеры служат поводом к отрицанию уникальности евангельского учения. Отождествляя образную и идейную сторону выражения, они не замечают, что очень часто Господь, используя арсенал распространенных сравнений, идиом, словесных штампов и т.д., вкладывает в них новое, отвечающий духу Его проповеди значение.

В трактате Бикурим передается рассказ о споре рабби Йошуа бен Хананья с афинскими мудрецами. Весь этот рассказ имеет ярко выраженный фольклорный характер. Афинские мудрецы, например, разбивают перед Йошуа кувшин и говорят – шей, на что Йошуа рассыпает перед ними горсть песка и говорит – спрядите нитки; афинские мудрецы просят – построй воздушный замок, рабби Йошуа говорит – принесите кирпичи. Среди прочего афинские мудрецы спрашивают Йошуа: соль, которая потеряла силу, чем осолят ее?

Ответ, который предлагает рабби Йошуа – последом (плацентой) мулицы. Смысл в том, что мулица, полученная от скрещивания кобылы и осла, сама потомство не производит. А разве есть – спрашивают мудрецы – у мулицы послед? А разве соль – отвечает рабби Йошуа – теряет силу?

Конечно этот рассказ заставляет нас вспомнить слова Спасителя:

Мф 5:13

*Вы соль земли. Если соль потеряет
силу,
то чем осолишь ее? Она уже ни к
чему негодна, как разве выбросить
ее вон на поприще людям.*

Бикурим 8

*Соль, которая потеряла силу чем осолят ее?
Говорит им – последом мулицы. Разве есть у
мулицы послед? А разве соль теряет силу?*

ИМЯ ДОКЛАДЧИКА: Тема доклада

Очевидно, что одна и та же фраза – если соль потеряет силу, то чем осолится – служит совершенно различным целям, и превращается в устах Спасителя из остроумной народной загадки, из своего рода прибаутки в утверждение высочайшей миссии и ответственности, которую Господь возлагает на Своих учеников.

Другой пример, где Спаситель в Своем поучении безусловно отталкивается от уже известного положения, мы находим в Евангелии от Матфея 7:12. Это место заставляет нас вспомнить повествование об одном из виднейших законоучителей рубежа эр - рабби Гиллели. Сохранился целый ряд рассказов о том как язычник, желающий перейти в иудаизм, приходит сначала к рабби Шаммаю, но не получив удовлетворение, обращается к более гибкому, и не столь ригористичному рабби Гиллелю. Один из таких рассказов звучит следующим образом.

Шаббат 30а

Один чужестранец пришел к Шаммаю. Говорит ему: Обрати меня в иудаизм на том условии, что ты обучишь меня всему Закону, за то время пока я стою на одной ноге. (Шаммай) прогнал его аршином, который был в его руке. Пришел тот к Гиллелю, и он обратил его, сказав: Не делай ближнему твоему того, чего не желаешь себе. В этом весь Закон.

Не сложно заметить, что евангельские слова - Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом Закон и Пророки – с одной стороны, предполагают знакомство с утверждением Гиллеля и непосредственно соотносятся с ним (так заключение: в этом Закон и Пророки, - выглядит как прямая отсылка на слова Гиллеля), но с другой стороны, развивают их и задают совершенно иную – евангельскую меру. Если отрицательная формулировка Гиллеля – не делай ближнему того, чего не желаешь себе – призвана лишь удержать человека от зла, поставить преграду неуважительному отношению к другому, то в словах Спасителя – поступайте, как хотите, чтобы поступали с вами – содержится нечто гораздо большее, они выражают побуждение к любви, к заботливому и самому внимательному отношению к ближним.

Однако наиболее интересными представляются такие примеры, где Господь, подразумевая хорошо известные его слушателям выражения, не просто перестраивает или наполняет их иным содержанием, но самым неожиданным и самым парадоксальным образом переворачивает их, раскрывая при этом новые, выходящие за рамки привычной человеческой мудрости, отношения.

Постараюсь продемонстрировать эту мысль на трех следующих примерах.

Среди кумранских находок были обнаружены фрагменты оригинального ивритского (Завещание Неффалима) и арамейского (Завещание Левия) текста "Завещание двенадцати патриархов", который обычно датируется 2 веком до Р.Х. Полный текст этого апокрифа дошел до нас по-гречески, но он известен также в переводе на сирийский, латинский, эфиопский, армянский, славянский языки. Не вызывает сомнения, что это великолепное в литературном плане произведение было известно современникам Спасителя, чем объясняется целый ряд лексических совпадений между ним и новозаветной литературой. Вот один очень яркий тому пример:

Завещание Иосифа 11, 1, 5-6

Голод мучил меня, но Сам Господь накормил меня. Одинок я был, и Бог утешил меня; я болен был, и Господь посетил меня;

Мф 25:35-37

Ибо голоден был Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и напоили Меня; странником был, и приняли Меня; наг, и одели меня; болен был, и посетили Меня; в тюрьме был, и пришли ко

*в темнице был я, и Бог мой смиловался Мне.
надо мною.*

На этот пример уже не раз указывали, как на свидетельство литературной зависимости и "тесной связи, которая существовала между иудейской дохристианской апокрифической литературой и новозаветной литературой" (И.Д. Амусин Кумранская община. М., 1983). Но пойдем дальше простой фиксации очевидных словесных совпадений. Слова Иосифа из апокрифа такие трогательные и полные благодарности своему Господу располагаются между тем во вполне понятной и "естественной" плоскости: праведник испытывает скорбь, и Господь не оставляет его, но поддерживает и помогает ему. С другой стороны, реакция на слова Евангелия – изумление. При внешнем сходстве выражений обнаруживается разительный контраст: в евангельской притче не Бог, а напротив человек питает, поит, одевает, посещает... своего Господа. Но разве способен человек опекать Бога: "Господи, когда мы видели Тебя голодным и накормили? или жаждущим и напоили? ... – так недоумевают не только евангельские грешники, но и праведники – "Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне"

Так из незатейливой, "ветхой" темы возникает неожиданное и парадоксальное по форме "новое" евангельское наставление. Причем, наставление настолько важное, что от ответа на него, в конечном счете, как мы видим это чуть ниже, зависит путь в муку или в жизнь вечную (Мф 25:46).

Второй пример мы заимствуем из трактата "Пиркей Авот" Главы (поучения) отцов. Этот трактат представляет для нас особый интерес, поскольку в нем содержатся краткие изречения, характеризующие мировоззрение древнейших раввинистических авторитетов, начиная с Симеона Праведного (III в. до Р.Х.) и до начала составления Мишны (около 200 г. по Р.Х.). В первых четырех главах содержатся авторские наставления, принадлежащие 60 учителям. До своей письменной фиксации они обсуждались и передавались изустно (т.е. составляли часть устного предания) и в этом смысле представляют богатейший материал, раскрывающий идейную атмосферу иудаизма рубежа эр. Большинство изречений, вошедших в состав следующей, пятой главы – анонимны. Некоторые из них могут рассматриваться как своего рода школьный фольклор или подборка известных афоризмов, рожденных в стенах бейт-мидраша. Но это одновременно и определенные житейские истины и аксиомы, в которых выговариваются исходные интуиции раввинистической этико-дидактической мудрости.

Среди прочих здесь встречается и такое поучение (5:10). Все люди делятся на четыре типа. Первые говорят: мое мое, твое твое – это по определению трактата "Пиркей Авот" מִיָּדוֹ וּבִיָּדוֹ средний тип; вторые говорят: мое твое, твое твое – это רַחֵם праведник; другие говорят: мое мое и твое мое – это וְשָׂרָא грешник, злодей; наконец четвертые говорят: мое твое, твое мое – этот последний тип именуется דוּ אֶרֶץ народ земли.

Выражение "народ земли" אֶרֶץ первоначально употреблялось фарисеями для обозначения тех, кто не принадлежал к их партии, но со временем приняло нарицательное значение – неуч, невежда, глупец, не обученный Торе, не сведущий в законе.

В связи с этим, мы можем вспомнить 10 стих из 17 главы Евангелия от Иоанна, здесь Господь, обращаясь к Своему Отцу, говорит буквально следующее: "все Мое Твое, и Твое Мое".

ИМЯ ДОКЛАДЧИКА: Тема доклада

Очевидно предельная взаимная открытость и бесконечная преданность друг другу – "все Мое Твое, и Твое Мое", – в которых описывается отношение совершенной любви между Отцом и Сыном, не укладываются в рамки этико-юридической мудрости фарисеев: для фарисеев "мое твое, и твое мое" – глупость простолюдина; для Сына Божьего – выражение вышней премудрости и любви.

Еще один пример. В трактате Сота (8б) находим следующие слова.

Сота 8б

Какой мерой меряет человек, такой и ему будет отмерено.

Это утверждение раскрывается в следующем комментарии: Самсон последовал влечению своих глаз, и поэтому выкололи ему глаза... Авессалом возгордился своими волосами, и поэтому повесили его за волосы и т.д. Иными словами утверждается неотвратимость суда и воздаяния по принципу талионного права «око за око, зуб за зуб». Но в устах Спасителя та же самая фраза приобретает прямо обратное значение и выражает призыв к милосердному снисхождению, к отказу от суда:

Мф 7:2

Не судите и не судимы будите. Ибо каким судом судите, таким будите судимы; и какую мерою мерите, такую и вам будут мерить.

Наконец, последний пример касается замены всего одного слова. В раввинистической литературе обычным обозначением толпы является слово רב , которое переводится, как многие, но имеет также значение большие, великие. Вероятно, совмещая оба этих значения мно г и е (в качестве указания на определенную группу людей) и великие (в качестве указания на особую праведность и ученость), кумраниты использовали слово רבים, как одно из самоназваний своей общины. В связи с этим, очень выразительным представляется то, что в Евангелии, когда Господь говорит об окружающей Его толпе, употребляется не греческое πολλοί соответствующее еврейскому רבים многие, большие, а прямо противоположное ему по смыслу слово (т.е. антоним) μικροί (τοῦτοι) малые (сии) за которым может стоять еврейское הלה הקטנים. Насколько мне известно, такое словоупотребление не встречается в мишнатской литературе, и, вероятно, составляет исключительную особенность языка Спасителя.

Мф 18:6

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому было бы лучше, если бы мельничный жернов повесили ему на шею, и утопили его с пучине морской.

Тос., Сангедрин 13, 5

Всякий, кто согрешил и ввел в грех многих... – закроются за ним врата Геенны, и будет он предан ей на веки веков.

Пиркей Авот 5:18

Всякий, кто ввел в грех многих, не достаивается раскаяться.

При общности темы (всякий соблазняющий на грех других достоин погибели) невозможно не расслышать: в одном случае – отвлеченное утверждение о многих, обращенное ко многим, а в другом – личная забота о каждом "из малых сих, верующих в Меня", т.е. доверившихся Господу.

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ: VI Международная Богословская конференция РПЦ

Если перед нами малые сии, то это значит, что каждый из них, подобно ребенку, требует особой опеки и заботы. Ради одного из многих не оставишь девяносто девять. Но лишь один из малых сих, "Ангел которого на небесах всегда видит лицо Отца небесного" (Мф 18:10), может быть уподоблен заблудшей овце, ради которой пастух оставляет все стадо и "когда найдет ее радуется о ней более нежели о девяносто девяти не заблудившихся" (Мф 18:13).

Надо сказать, что среди мишнаитских притч мы найдем и такую, где пастуху ближе не одна заблудшая овца, а напротив один прибивший козленочек.

Ялкуп Шимони

Козленок рос в пустыне и пришел сам по себе и пристал к стаду. Стал пастух кормить и поить его и полюбил его больше своего стада. Говорят ему: неужели ты любишь этого козленка больше чем все стадо? Говорит им: сколько я трудился над своим стадом, выводил его утром и заводил вечером, пока они не выросли, а этот который рос в пустынях и лесах и пришел сам по себе в мое стадо – разве не так мне любить его?

Конечно, я несколько упрощаю эту притчу. Ясно, что здесь речь идет о пришельце-прозелите. И все же никак невозможно обойти сравнение, опять слишком очевиден контраст: притча о заблудшей овце – образ любви жертвенной, ищущей и спасающей; а в притче о козленке, который без всякого труда сам прибил к стаду – любовь не поднимается выше обычных, мотивированных собственной выгодой отношений.